

Александр Торин

**Мы-русские, других таких
нет
(Рассказы)**

Copyright © 1995 Alexander Taratorin. All rights reserved.

Издательство "Hermitage Publishers", USA

Любое изменение этого текста, а также воспроизведение его в коммерческих целях может осуществляться только с согласия автора.

E-mail: amtar@pacbell.net

Оглавление:

О ВРЕДЕ ПЬЯНСТВА.....	3
АПРЕЛЬСКИЕ ТЕЗИСЫ (ИЗ ДНЕВНИКОВ ДОМОВЛАДЕЛЬЦА).....	13
НОЧЬ В ЦВЕТУЩИХ САДАХ БОМБЕЯ	20
МЫ-РУССКИЕ, ДРУГИХ ТАКИХ НЕТ.....	28

О вреде пьянства

Приключения мои начались совершенно случайным и непредсказуемым образом, теплым январским вечером, которые так приятны в Калифорнии... Тогда я, чертыхаясь, понял, что дома снова совершенно нечего жрать, и вечером поехал в "Счастливого".

"Счастливчик" – это мой вольный перевод местной сети продовольственных магазинов "Lucky". Впрочем, один пожилой дяденька, приехавший в Штаты года два назад, и путавший русские буквы с латинскими, изобрел свое собственное прозвище: "Пойдем в Лизку" – смеясь повторял он.

Не знаю, кого эти супермаркеты делали счастливыми, должно быть выжатых как лимон после рабочего дня эмигрантов из развивающихся стран, да странного вида личностей, от некоторых из которых так и хотелось спрятаться за изящной башней, сложенной из рулонов туалетной бумаги. Моя тележка катилась между рядами, постепенно наполняясь, пока рука провидения как-то сама по себе не привела ее к длинному стеллажу, уставленному алкогольными напитками. И тут, как по-волшебству, колесо у тележки заклинило, в результате чего она намертво застопорилась.

– А ну-ка, тпру, – твою... – неслышно выругался я, пнув вместилище продуктов ботинком. Тележка со скрипом тронулась, и вдруг совершенно отчетливо начала меня соблазнять:

"Пиво" – гадко взвизгивало колесо на каждом обороте, поразило меня то, что взвизгивание это происходило на чистом русском языке. – Пиво! Хо-лод-ное Пиво! Пиво! Пиво! Хо-лод-ное...

– А, будь ты неладна, – искушение было сильным, и я уставился на выставленные в ряд бутылки. До пива оставалось еще несколько рядов, и тут... Дыхание мое на секунду остановилось. Бутылка, необычной формы, со змеиными витыми изгибами и переливами, напленная жидкостью светло-коньячного оттенка, с золотой пробкой. В стеклянном чреве ее плавали какие-то корешки, своей корявой уродливостью более всего напомнившие мне жень-шень.

Алкоголизмом я вроде бы не страдал, из всех спиртных напитков предпочитал русскую водку, иногда из вежливости выпивал бокал вина, и уж совсем не выносил всяческих изощренных настоек, шампанских, а тем более ликеров, считая их отравой для человеческого организма. Так что, справедливости ради, приходится признать, что столь преувеличенная реакция при виде подозрительной жидкости в бутылке непонятного происхождения, была для меня совершенно нетипичной.

– Ну надо же, красавица какая, – я чуть было не погладил бутылку, устыдился этого чувственного порыва, и, пожимая плечами, толкнул тележку.

"Пиво. Пиво. Холо... Кррр-гхх... Бутыл-ка. Бутыл-ка. Бутыл-ка. Бутыл-ка,." – Колесики у моей тележки провернулись и сменили пластинку.

– Заткнись, дура, – я обращался с этой неодушевленной, заедающе- колесообразной дрянью как с живым существом. – Что же это были за корешки, – задумался я, и вдруг вспомнил про то, что когда я еще жил в России, один из моих друзей ездил в командировку в Северную Корею и рассказывал мне об необыкновенной водке, настоянной на корнях жень-шеня... По словам моего знакомого, водка эта обладала необычным вкусом, и, выражаясь по-Ерофеевски, значительно укрепляла дух, при этом умеренно расслабляла члены. – А вдруг, – мне стало любопытно. – Чем черт не шутит, – и я решительно развернулся.

От витого стеклянного сосуда исходило мягкое, ласкающее тепло, настолько ощутимое, что, взяв бутылку в руки, я от удивления чуть не выронил свою находку. Нет, корешки не были жень-шеневыми. Бутылка была бразильского происхождения, крепостью в 45 градусов. Названия, я, к стыду своему, точно так и не помню, что-то среднее между Текилой и Кампарештой. "Этот редкий напиток, производимый в долине Амазонки, – с удивлением прочел я на этикетке, – поражает знатоков своим изысканным вкусом. Настоянный на кореньях, – дальше следовало название совершенно неизвестного мне растения, растущего только в дельте тропической реки, – он доставит вам неземное удовольствие своей бархатной, проникающей откровенностью и первозданной свежестью познания".

– Ну и насочиняют, – я недовольно пожал плечами, – типичное рекламное словоблудие. "Изысканный, редкий" – чаще всего означало "Сделанный из отходов производства и признанный умеренно ядовитым". "Первозданная свежесть познания" скорее всего переводилась как "Мамочку родную забудешь, и будешь отходить два дня". Я уже протянул руку, чтобы поставить бутылку на покрывшуюся пылью полку, но внимание мое привлекла красная этикетка. "Бразильская Теки... мпарешта" – гласила этикетка. Цена \$89.95. Эксклюзивная распродажа: \$15.95. Вы экономите \$74.00. Не более одной бутылки в руки. Предложение действительно 23 и 24 января с 10 до 11 часов вечера.

Что-то как-будто оборвалось у меня внутри. Какое сегодня число? Ну да, двадцать четвертое. Времени пол-одиннадцатого. Шестнадцать баксов – дорого. С другой стороны, интересно. А вдруг она действительно родниково-свежая и первозданная? Бутылка в девяносто баксов из Бразилии, где много диких обезьян... Да столько стоит очень, очень хороший коньяк. Эх, была не была! – Я схватил экзотический напиток, и, зажмурив глаза, ринулся к кассе.

Стоит ли говорить, что приехав в свою холостяцкую комнатку, я ожидал свидания с излучающей тепло жидкостью, как молодой повеса... Торопливо раскидав продукты по холодильнику, я проглотил бутерброд с колбасой и принялся за таинственный напиток.

Пробка напоминала коньячную, она вытащилась без труда. К моему удивлению, при этом несложном действе произошел сильный хлопок, и со дна бутылки поднялись пузыри подозрительно фиолетового цвета.

– А, ну вас к черту, не буду пить эту гадость, – проявил я кратковременное благоразумие, но тут запахло чем-то пряно-ароматным. Так в юности моей пахла хорошая медовая чача, и я немедля налил стопочку.

Я считал себя человеком тренированным, в своем российском прошлом, я, бывало, пил неразбавленный лабораторный спирт. Блажен кто верует... Жидкость немедленно обожгла мне горло и вызвала онемение языка. – Потерял класс, – расстроился я, а затем испугался, так как щеки у меня покраснели, на лбу выступили пятна противного красного цвета, и после этого стало трудно дышать.

– Аллергия, наверное, – пространство начало расплываться перед глазами, потом я вспомнил, что в аптечке лежит присланная мамой из Москвы упаковка димедрола. – Нет, что же я делаю, мешать димедрол со спиртным нельзя – возмутилось мое угасающее сознание. Впрочем, доползти до аптечки я уже все равно не мог, так как руки и ноги мои совершенно меня не слушались. Их как будто и не было, они превратились в гадко-желтого цвета когти, как у замороженных советских куриц. Затем занавески уплыли в сторону, и из них, покачиваясь, показалась плоская голова змеи. Резко запахло стоячей водой и гнилью. Змея посмотрела на меня, сидящего на ветке, как мне показалось, с презрением, и, рассекая чешуйками черную воду, поплыла куда-то в сторону кухни.

На потолке, выпуклые, неправдоподобно зеленые, колыхались листья. Визгливо кричали звери, пробежала, хватаясь за люстру, мелкая обезьянка неизвестной мне породы, и я полетел, поднявшись из тумана. Джунгли в этот рассветный час особенно

красивы. Вот и краешек солнца. Вверх!!! Как хорошо быть орлом, расправляющим свои крылья... Смущало меня только то обстоятельство, что время от времени шея моя становилась позолоченной, а из нее наглым образом торчали две пакостные головы, развернутые в разные стороны, примерно как на непривычном людям моего поколения новом, то есть старом российском гербе. От этого раздвоения болела голова, а в глазах все учетверялось. Как бы это назвать, – задумался я на секунду, забыв о величественных джунглях. Стерео? Ну да, стереозрение, это когда два глаза. А у меня, пожалуй что, квадро... Квадрофония какая-то получается. А я в Россию, домой хочу. Я так давно не видел маму... – Я с ненавистью начал царапать когтистой ногой свою грудь, и, потеряв равновесие, свалился сквозь крону деревьев вниз, здорово ободрав при этом спину.

Какая зверюга... А какие у нее глаза... Желтые. Нет, скорее, зеленые. Киска, нет, киска, не ешь меня! Я – хороший! У меня в детстве был кот, я его любил, зараза! Взлетаем! Четыре, три, пуск! Под крылом самолета призывно поет зеленое море...

Какие-то морды, раскрашенные красками, извивающиеся тела... И снова я парил над долиной Амазонки, падая камнем вниз. Пока не проснулся с жуткой головной болью часов около четырех утра.

– Ну и жидкость, – мне было нехорошо, а самое противное, не оставляло ощущение полной реальности происходившего, я даже осторожно потрогал свою шею, с облегчением убедившись, что она не раздваивается. – И все это с одной маленькой рюмки. Жень-Шень, мать вашу, так еще и гербом станешь! – Я решительно взял бутылку, и вылил ее в раковину. – Да я их засужу, – почему-то идея мести овладела мной той ночью. – Где этот чек? – Я судорожно начал шарить по карманам. – Они не имеют права продавать такие жидкости. Или, хотя бы, предупреждать надо. "Первозданная свежесть", маму вашу! А если бы я выпил две рюмки? Да я бы наверняка помер! – Нет, где же этот чек? – мне стало беспокойно, тревожно, почему-то я был убежден, что стоит найти эту бумажку, как жизнь сразу улучшится.

Скомканный чек, наконец, был найден в мусорном баке, и тут я осознал, что вылил жидкость в раковину, совершил непростительную ошибку. – Как же они сделают химический анализ, – расстроился я, – пойдя им теперь докажи что к чему, – и от расстройства тут же уснул.

На следующий день я почувствовал себя лучше, и уже начал забывать об этом досадном эпизоде, но через пару дней мы с Патриком решили сделать вылазку в английский бар.

О Патрике – разговор особый. Он – мой коллега по работе, сидит в соседнем "кубике". Кроме того, он – ирландец и холостяк. Эти два последних обстоятельства роднят нас, двух в меру интеллигентных мужчин в полном расцвете сил, оказавшихся на чужбине. Вообще я заметил, что ирландцы, как и русские, обладают повышенным чувством юмора, некоторой дикостью характера, общей дружелюбностью, а также обожают вечеринки, на которых часто надираются и дебоширят.

Итак, мы с Патриком пошли в бар. Подобные вылазки становились доброй традицией. Начинались они подтруниванием друг над другом, потом рассказами о том, с какими потрясающими девушками в том или ином баре познакомился знакомый его или моих знакомых, а, когда девушек не обнаруживалось, заканчивались умеренным дружеским пьянством. На прошлой неделе, например, я угощал Патрика "Столичной", которую он не оценил. Скривив губы, он иронично прошелся по поводу того, что "Столи" напоминает ему лабораторный спирт, используемый для очистки поверхностей. Я, обидевшись, пытался рассказать ему про 63 спектральных линии, без которых водка не может называться таковой, потом, исчерпав все аргументы, вспомнил, что спирт мы в старые времена тоже пили.

– Дикари! – возмутился Патрик. – На следующей неделе я угощаю тебя настоящим напитком, приготовься!

"Настоящий" напиток оказался выдержанным шотландским виски. Прелести этого зелья, отдававшего сивушными маслами и болезненно напоминавшего мне сельский самогон, я не понимал, но отказаться было неудобно. Патрик сделал вялую попытку познакомиться с двумя дамами среднего возраста и абсолютно шлюховатого вида, но, купив им пару коктейлей, остыл, и мы предались распутной дегустации вязкой, пахнущей дымком жидкости.

– Так и вспоминаю, – разливался я соловьем. – Типичный первач.

– Что такое "Первач"? Это "товарищ"?

– Представь себе, Патрик, ты какой университет заканчивал?

– Дублинский. А что?

– Ну как же. Накануне защиты долгожданной ученой степени, на полях Ирландии уродилась свеколка.

– Что уродилось? – Патрик недоумевал?

– Неважно, капуста, например. И она гниет на корню.

– Как это гниет?

– Сгноили протестанты... – Ты не протестант, случайно?

– Я – католик! – Патрик обиделся. – Так что?

– Ну, в общем, погибает капуста, – я решил не затрагивать болезненные религиозные конфликты. – И вас, студентов университета, посылают на поля спасать урожай.

– Кто посылает? – Патрик потряс головой. – Чего ты несешь?

– Английская королева. Впрочем, неважно, – я почувствовал себя в культурном вакууме. – Представь себе: поле, на горизонте виден трактор, а бригадир разливает в рюмки сделанный в простой русской деревне напиток из свеклы. И напиток этот по вкусу точь-в-точь ваш шотландский виски!

– Откуда на поле взялись рюмки и виски? Я понял, ты уже пьян. Из свеклы делают русский борщ!

– Я пьян? После бокала этого машинного масла, разбавленного льдом? – Я возмутился. – Да я...

Тут я запнулся, так как со мной явно происходило что-то странное. Ноги мои были голыми, на бедрах намотана шерстяная юбка, а рукой я придерживал арбалет. С гор спустился туман, там, внизу, в долине стоит лагерем неприятель. Я ненавидел их всей душой, этих отвратительных красномордых захватчиков. Они еще услышат про нас! – И тут изо рта моего против воли вырвались гортанные звуки, подхваченные такими же, как я, стоящими рядом мужчинами.

– Хэлло? – Патрик тряс меня за плечо. – Все-таки я удивляюсь эрудиции вас, русских. Откуда ты знаешь эту песню?

– Какую песню? – Реальность медленно возвращалась сизыми клубами сигаретного дыма. Ах, добрые старые времена, тогда в барах Калифорнии еще можно было курить!

– Это боевая песня шотландцев, тринадцатого века. Я ее слышал всего один или два раза, в детстве. А ты откуда ее знаешь?

– Не обращай внимания, – от слов Патрика мне стало не по себе. – Я просто перебрал, пора домой возвращаться.

– Ага! – Патрик довольно ухмыльнулся. – А говорил, машинное масло.

– Итак, – рассуждал я, вернувшись домой. – Со мной происходит что-то странное. Возможно, это совпадение. Глубоко надеюсь, что это не белая горячка. Вроде бы, не с чего. Ну да, скорее всего, я схожу с ума. Но как же интересно! Не поставить ли на себе научный эксперимент? Или бросить пить окончательно и бесповоротно? Как зависит интенсивность видений от дозы выпитого?

Каюсь, на следующий день я с чисто научной целью купил бутылку Ямайского рома "Капитан Морган". – Пятнадцать человек на сундук мертвеца, – твердил я про себя. – Йо-хо-хо. И бутылка рома...

Вечером я отключил телефон, запер входную дверь и налил стопку прозрачного напитка, которую выпил безо всякого удовольствия. В квартире было тихо, я зажмурил глаза... И со мной решительно ничего не произошло, только лицо слегка покраснело.

– Ну и слава Богу, значит совпадение, – решил я. – А то так еще сопьешься.

Некоторое время я занимался уборкой квартиры, потом включил телевизор, пощелкал каналами, выругался, наткнувшись на фильм ужасов с вампирами перегрызавшими горло молоденькой актрисе, и понял, что делать мне сегодняшним вечером совершенно нечего.

– А вдруг галлюцинации включаются при определенной концентрации алкоголя в крови? – Природные задатки естествоиспытателя не оставляли меня ни на секунду, и я решил выпить еще стопочку ямайского рома. Вместо стопочки получился стакан. Как и следовало ожидать, ничего не произошло, но жутко захотелось спать.

Как приятно рухнуть в постель, осознавая, что сегодня уже не надо бегать по коридорам, сидеть на бесконечных и бесполезных совещаниях...

И только этот крепкий соленый воздух, надутые ветром паруса, запах смолы и проклятые англичане, которые вторые сутки гонятся за нами. Шакалы!

Я нервно почесал плохо выбритый подбородок. Вот уже пятый или шестой корабль потопили, а хорошего лезвия – не найти! Бардак... Да, недооценивать всей мощи королевского военного фрегата – глупо. Вряд ли мы сможем их потопить, скорее они нас. Ну что же, один шанс из десяти – удрать, затеряться в тумане около одного из местных островов. Еще шесть шансов – быть съеденному рыбами. И еще три. Лучше не думать, уж лучше погибнуть в бою, со шпагой в руке... Как бывшему королевскому офицеру, мне, скорее всего, суждено лишиться головы. И эти тупые, обливающиеся потом свинячьи хари в париках будут долго морализировать и читать приговор именем его императорского величества... А команду вздернут на реях, тела наверняка вывешат гнить на виселицах на берегах всех местных островов... Эти идиоты думают, что виселицы со скелетами настолько устрашат потенциальных предателей королевства, что ни один из них не пойдет в пираты! Чепуха, для этих ребятков чужая смерть абстрактна, они живут сегодняшним днем...

Ну что же, перед схваткой пора заняться делом... Эта девчонка сразу же бросилась мне в глаза, когда мы захватили тот корабль. В белом платье, угловатая и резкая в движениях, как маленький зверек... Нет, ее нельзя было отдать на потеху команде. Но и силой брать ее тоже было нельзя. Только искушение, сладостное падение, первородный грех – вот истинное блаженство.

Я поселил ее в отдельной каюте, приставив к двери самого преданного мне слугу. Я посылал ей вино, приходил и читал стихи. Бедняжка, она не знает, что стихи я ненавижу... Пришел мой час, или сейчас, или – никогда... Какое страшное это слово – никогда. До сих пор оно было для меня абстракцией. Ведь вот он – я, я – живу, вот мои пальцы, по ним течет кровь. В груди стучит сердце, черт побери, как это так, что это живое вместилище моей души может исчезнуть через какие-нибудь несколько часов?

– Ха, – это мой вечный внутренний оппонент. – Можно подумать, ты никогда не убивал. А тебе не снятся люди, которые...

– Заткнись! – Это я подошел к ее каюте.

– Это вы, – как маняще поднимается и опускается ее грудь.

– Сударыня, – я опустил на колени. – Простите меня за все лишения, которые вам довелось испытать из-за меня. Ибо пришло время просить искупления у Господа!

– Вы испугали меня! – Она вздрогнула. – Что-нибудь случилось?

– Не хочу пугать вас, но через несколько часов мы все можем оказаться на дне морском. Я ничего не скрываю от вас. За нами гонится военный корабль. И он атакует нас при первой же возможности. У нас нет никаких шансов оказать сопротивление. Сдаться невозможно. Приказ короля – уничтожить всех...

– А как же пленные? – Как она заметалась, бедняжка, как бабочка, прилетевшая на свет и обжегшая об свечку свои крылышки. – Какая бесчеловечность. Какая жестокость.

– Сударыня. – Я схватил ее за руку. – Позвольте мне открыть вам свою душу, если это не пугает вас. – Я грешен перед Богом... – Теперь главное – не упустить инициативу...

– Что вы можете сказать мне, Вы, лишивший меня свободы, заточивший меня в заключение на этом корабле, полном грязного сброда, а теперь, как выясняется, отобравший у меня жизнь.

– Сударыня, я поступил так из любви к вам! Поверьте! Я увидел вас в... – Я запнулся. Откуда там шел этот корабль? – в порту... и забыл обо всем на свете. Я предал короля. Я гнал за вами как одичавший волк. Я хотел, мечтал вас похитить, и теперь плачу за это сполна.

– Вы... – Она учащенно задышала. – Как вы смеете?

– Клянусь вам! Я совершил преступление ради любви! Теперь, когда нам, возможно, осталось жить всего несколько часов. – Я начал целовать ее.

– Оставьте. Как вы смеете.

– Подумайте, любовь моя, вы, такая молодая, умрете, не испытав счастья, даже не зная, в чем оно состоит. Скажите, я неприятен вам?

– Пустите!

– Любовь моя! Поцелуйте меня всего один раз, прошу вас! Мне ничего не нужно больше в жизни...

Я уже чувствовал, что сопротивление ее ослабевает. Еще несколько виртуозных заходов и отступлений. Тонкий баланс между чувственностью и разумом. И вот оно свершается... О, сладостные мгновения. Они стоят целой жизни. О, Боже. Прости меня за грехи мои...

Солнце встает... Волны в этот час особенно красивы. Как же хочется курить... Это, возможно, последняя в моей жизни трубка. Хороший табак, ничего не скажешь.

Преследователи уже почти что на расстоянии пушечного выстрела. Сейчас начнется... Ну что же, – Я одеваю обтрепанный мундир и шляпу. – А все-таки, жизнь прекрасна! К бою!

*

– О, Господи, – я схватился за голову. – Как же хорошо проснуться в своей постели, в конце двадцатого века, в центре американской технологической цивилизации... – Сон никак не хотел отпускать меня. Все эти события, все чувства, настолько реальные. Даже этот корабль с наполовину прогнившими досками... Пит, конечно же, слугу звали Пит.

Странный язык, – во рту у меня стоял вязкий привкус...Я же только что коварно овладел женщиной... Бррр... Что стало с ней? Нет, у меня, скорее всего, белая горячка. Неужели она наступает вот так, неожиданно... Все, бросаю пить, ни одного грамма. К чертовой матери...

Держался я около недели. Как нетрудно догадаться, любопытство взяло верх, и, придя в отдел вин, я задумчиво бродил между стойками, пока взгляд мой не остановился на бутылке японского саке.

Той ночью я был вознагражден – я оказался самураем, и сделать харакири было для меня делом чести... Акт вспарывания живота оказался теснейшим образом связан не только с религиозными традициями, но и с тонкой политической ситуацией и интригами, сложившимися при императорском дворе.

За последующие месяцы я побывал и в Голландии, и на просторах Швеции, и во Франции, и в Испании. Особенно мне понравился джин "Beefeater" – я нес службу в Тауэре и присутствовал при коронации короля Генриха. Я прожил десятки жизней в различных эпохах, кроме того выяснил, что многократное употребление одного и того же напитка вызывает многосерийные сны с развивающимся сюжетом. Например, Ямайский ром поведал мне, что соблазненная девушка все-таки погибла, а соблазнителю удалось спастись, и он еще несколько лет тосковал по ней. Затем герой моих снов продал часть награбленных драгоценностей, купил рабов, и основал прибыльную плантацию, женившись на худощавой даме с визгливым голосом. Увядшую эту даму я ненавидел, она пахла какой-то дрянью, носила платья с викторианскими оборочками, держала меня в железных рукавицах, запрещала курить, к тому же прибрала к рукам все финансы. Однажды, тайком совокупляясь с толстой рабыней, я вспомнил погубленную моей прихотью небесную красоту, и бессильно заплакал, не завершив начатого дела. Продолжать эту серию снов было бессмысленно, и больше рома я не употреблял.

Все это было увлекательно, но начало угрожать хроническим алкоголизмом, и я решил... Нет, не сходить к врачу. В Америке это бесполезно, если конечно, у вас не выросла лишняя нога, которую можно отрезать нехитрым хирургическим путем. Душевные же проблемы – это вообще конец света. Вами обязательно займется нервный господин неопрятного вида с дергающимся правым плечом и начнет расспрашивать вас о том, не трогала ли мама в детстве вашу пипиську, и не беспокоит ли это вас ночами, сублимируясь в воображаемых снах, а потом пришлет счет на десять тысяч долларов.

Так что, мне просто необходимо было переговорить с разумным человеком. Например, с дядюшкой своего старого знакомого, Михаилом Абрамовичем, бывшим известным Московским профессором по неврологии. В Калифорнии русский профессор занимался преимущественно ловлей форели в небольших озерах и горных реках, и в занятии этом преуспел.

Я сбивчиво рассказал Михаилу Абрамовичу о своих переживаниях.

– Хмм... Случай, конечно, непростой, – невролог задумался. – Главное, бросьте пить. А в остальном, хмм, беспокоиться вам нечего. Вы, случайно, стихов не сочиняли?

– Сочинял, в молодости, – признался я.

– А романов?

– Грешил... – Тут уж я смутился окончательно, поскольку недавнее мое произведение разругали все, кому не лень.

– Ну, все понятно... Творческая натура, повышенная чувствительность, воображение... Простите за откровенность, когда вы в последний раз так сказать... Ну, скажем, были с женщиной..

– Эээ, – я смутился. – Прибавьте неделю к дате начала проведения эксперимента... Месяца два... Да что это вы опять со своими Фрейдийскими штучками, честное слово!

– Не стоит недооценивать половой фактор. Гормоны, знаете ли... Хотя, не исключено, что первоначальный импульс вызван определенным наркотическим, галлюциногенным веществом. Возможно, этим бразильским напитком... Как там его?

– Но не может же наркотик так долго находиться в организме... – Я недоумевал.

– Это совершенно не обязательно, – Михаил Абрамович откинулся в кресле. – Достаточно было, хмм, всего один раз замкнуться определенным ассоциативным связям в вашем мозгу... Мой вам совет: отвлекитесь, выпейте валерианки, поезжайте отдохнуть, и, самое главное – не пейте водки!

– А почему именно водки? – удивился я.

– Да потому, что вы, батенька, вы даже себе не представляете, что вам может присниться. – Михаил Абрамович посмотрел на меня, проникновенным, и, как мне показалось, несколько смущенным взглядом.

Надо заметить, что я действительно ни разу не пробовал, какой эффект окажет на меня обычная русская водка. Во-первых, все больше тянуло на экзотику, про родину я и так все знал, а во-вторых, учитывая преимущественно исторический характер своих экскурсов, и будучи в школе отличником по истории России, я не ожидал от подобного эксперимента ничего хорошего. Меня бы непременно отвели на Лобное место, четвертовали, отрубили голову, убили, повесили, или, на худой конец, отправили бы во глубину Сибирских руд.

И надо же такому случиться, что буквально на следующий день ко мне завалился приятель, к которому накануне из России приехала теща. Родом теща была из Нижнего Новгорода, и привезла зятю в подарок какую-то особенную Волжскую водку "Экстра".

Я долго боролся с искушением, но запретный плод, как известно, сладок...

– Во здравие и при плохой погоде, – проникновенно окая декламировал мой гость, – вино на пользу организму пойти должно! Нижегородская, смородиновая!

Водка оказалась на удивление мягкой на вкус и не вызывающей никаких отрицательных эмоций в организме. Так, по крайней мере, мне показалось. На деле, это была подлинная бомба замедленного действия.

Заснув, я оказался на весьма грязной улице, уходящей в гору. Была весна, и подтаявший снег мутными ручейками стекал вниз. Домишки на этой улице были деревянными, все как один обветшавшими и покосившимися.

"Улица Гаражная, дом 4" – прочел я, затем зашел в подъезд, отпирая амбарный замок, висевший на покрашенной масляной краской железной двери. За дверью стоял деревянный письменный стол образца 30-х годов, покрытый остатками зеленого сукна с чернильными пятнами, наполовину разбитый телефонный аппарат с провалившимся циферблатом, и стул со испорченной кожаной обивкой.

Войдя в дверь, я почему-то сразу же запер ее изнутри на все возможные засовы, потом кинулся к телефону, закурил "Беломорину", и, чертыхаясь, начал набирать номер.

– Слушаю, – голос на другом конце линии был на удивление мягким и бархатным, словно принадлежащим румяному, благодушному старичку.

– Петрович, – мой собственный голос оказался хриплым. – Слушай, в последний раз прошу, дай отсрочку! Я все заплачу.

– Ах ты какой у нас, вертлявый, – старичок засмеялся. – Раньше мозгами раскидывать надо было. А то, "Экстру", понимаешь, выпускать решил. Это ты, Михась, зря. Спирт у Василия берешь? Берешь, еще как. Экстракт смородиновый на кондитерской фабрике воруешь? Экететки в Сормове печатаешь? Да одна акцизная марка в Горсовете и милиции сколько стоила? Денег не несешь, а с областной комиссией Петрович разбирайся? Ну, и кто ты после этого?

– Да я, Петрович, я... Ты уж прости меня, а?

– Наложил в штаны, – обрадовался старичок. – Ну, что, Петрович тебе сказал, что он думает, а теперь выводы делай.

В дверь постучали. Почему-то мой персонаж, отпирая засовы, дрожал от страха.

– Вот ты где, спрятался, ишь-ты, – дружелюбно сказал здоровый мужик в шапке-ушанке и в широких штанах военного образца. – Ребята, вы его держите, а я сейчас..

Урр-гхх, пожалейте, мужики, Петрович меня простил! Ей-Богу простил. Я вам все отдам. Все, до копейки, только пощадите. Детки же малые...

– Да ты что обоссался, – миролюбиво осведомился мужик. – Мы тебя убивать не станем, только помучаем немножко, для воспитания, чтобы старших уважал. Правильно, ребята? А то вот, Петровича, заслуженного человека обидел. Помнишь, как там в песне пелось? Молодым везде у нас дорога, старикам везде у нас почет... – Мужик достал из кармана шило. – Да не скули ты так, ребята, ей-Богу, да наденьте вы ему мешок на голову...

И наступила темнота, и жуткая головная боль. Постель моя была мокрой от пота, потом организм всеми возможными путями избавлялся от ядовитых веществ, содержащихся в диковинной водке марки "Экстра", а последующий день я стонал от головной боли и пошатывался.

После той ночи алкогольные напитки потеряли свое волшебное действие. Я сделал еще несколько попыток вернуться в любимые сны посредством проверенных средств: дорогого английского джина, шотландского виски, рискнул даже вернуться к худощавой жене-мегере, злоупотребив ямайским ромом. Результатом было полное фиаско: сделанная в Нижнем Новгороде водка оказалась эффективным противоядием против Амазонского пойла, навсегда покончив с наваждением и разорвав любые ассоциативные связи, или что бы там ни было.

Месяца через три я зашел в гости к тому самому приятелю, который принес мне когда-то водку. Теща его к тому времени уже вернулась в Нижний, и он блаженствовал, развалившись на диване и воткнувшись в очередной боевик, в котором красавчик-супермен гонялся за русскими шпионами.

– А смотри, что у меня есть! – он полез рукой под диван, что-то звякнуло, и на свет извлеклась родная сестра-близняшка той роковой "Экстры". – Хочешь?

– Нет, – передернулся я от ужаса. – Я вообще завязал.

– Ну и зря, хорошая водка была, ее теперь больше не выпускают. Владельца фирмы изуродовали до полусмерти. В Нижнем много шума было, в газетах писали, теща даже вырезки присылала. Бандюки, надели на голову мешок, и шилом...

– Замолчи, – мне стало не по себе. – Не продолжай...

– Ну, как знаешь. – Он разочарованно зевнул. – Совсем от Российской жизни оторвался. Я сейчас чайник поставлю.

– Валяй... Помнишь, как у Высоцкого было? Нет, ребята-демократы, только чай! – Я осторожно взял бутылку в руки.

"Изготовлена из высококачественного... Четыре стадии очистки". Далее следовали непонятные для меня заклинания: "ЗАО РООМ".

Я посмотрел на этикетку с внутренней стороны, там часто ставили всякие разные печати и серийные номера, и тут дыхание мое перехватило...

"Улица Гаражная, д.4" – гласила надпись мелким шрифтом, просвечивающая сквозь наполнявшую бутылку прозрачную жидкость...

– Подсознание – великая сила, – успокаивал меня на следующее утро бывший профессор неврологии, ныне рыболов-спортсмен Михаил Абрамович. – А вы, батенька, –

типичный неврастеник. Бросайте пить, вот мой вам совет. Кстати, признайтесь, пальчики по утрам не дрожат?

– Дрожат, – смутился я. – Как вспомню этот сон... Но каким же, черт возьми, невысказанным образом я мог знать, что сделают с этим самогонщиком?

– Ха, – Михаил Абрамович поморщился. – Да мало ли какие совпадения бывают? Почитайте любой учебник по психиатрии, там такие случаи считаются классическими. Ну, приснился кошмар, с кем не бывает. Вы ведь раньше в Нижнем бывали? Мало-ли, увидели вывеску, провидец вы наш ненаглядный, запомнили в каком-то уголке вашей памяти, а с похмелья вспомнили.

– Да каким же образом я мог... Улица, номер дома. Стол этот с кляксами на зеленом сукне, он же у меня до сих пор перед глазами стоит! При чем здесь подсознание?

– Элементарно, – Михаил Абрамович загадочно улыбнулся. – Вы могли краешком глаза, не отдавая себе отчета, прочесть надпись на этикетке. Вы ведь слышали про то, как в кинофильм врезали кадры из рекламного ролика? Да ну вас, молодой человек, знаете, что я вам скажу? Поехали в субботу с утрачка со мной на рыбалку. Мне тут одно замечательное местечко подсказали, форель берет как сумасшедшая. И всю эту оккультную дурь с вас как рукой снимет!

Прав, прав был бывший профессор. Но даже он не знает, какую я нашел для себя отдушину, это мой секрет, о котором я еще никому не рассказывал... В общем, я теперь на ночь пью крепкий индийский чай и перевоплощаюсь в боевого слона. И сам великий магараджа восседает на моей морщинистой спине, а поверженные враги с ужасом взирают на мои бивни. Правда, позавчера меня ранили копьём в правую переднюю ногу. Очень больно, прихрамываю, к тому же магараджа недоволен. Еще, неровен час, спишут на лесоповалочные работы... Или, не приведи Будда, на слоновую кость... Как-то тревожно мне стало в последнее время. Ведь черт его знает, а вдруг все это происходит на самом деле?

Апрельские Тезисы (Из дневников домовладельца)

12 Ноября.

Проснулся сегодня в два часа утра. Пахнет стиральным порошком и стены дрожат. Прачечная, черт бы ее побрал. Ума не приложу, кому это в голову приходит стирать белье по ночам. Подкрался к окну. Ага! Два индуса интеллигентного вида, и примкнувший к ним щупленький вьетнамец.

Розе, которая растет на нашем балкончике, от этого стирального вертепа совсем плохо стало. Листики скукожились. Не жилец она, чего уж тут поделаешь.

13 Ноября.

Ходил скандалить в домоуправление. Это я его по привычке так называю. Дамочка там сидит культурная, улыбается сладко, из-под очков. Обещала повесить объявление про то, что ночами стирать строго воспрещается.

14-го

Проснулся в четыре утра. Стоит под окном развалюха и грохочет. Вот уже в который раз. Подкрался к окну. Щупленький такой китаец. То ли он машину прогревает, то ли за почтой идет. Ага! За почтой идет, иначе откуда у него, родимого, конверты.

Открыл окно. "Как вам не совестно", – говорю, вашу машину здесь оставлять?

– А почту, говорит, Александр Сергеевич Пушкин забирать будет? На чистом русском шпарит, собака. Ну тут я его по матушке послал, не сдержался. Он ответил достойно. Слово за слово, разговорились. Никакой он не китаец оказался, кореец из Казахстана. Обучался в Хабаровском университете. Машину обещал выключать.

15 Ноября. Спал почти что всю ночь. Кореец слово сдержал. Ставит машину у соседней квартиры.

16-го. В пять утра кто-то играет на волынке. Прислушался, про крейсер Варяг излагает. "За родину в море мы смело уйдем, где ждут желтолицые черти". Наверняка русский. Подстерегу – убью сволочь.

Познакомился. Зовут Иваном, фамилия Подмогильный, из Челябинска. Инженер-электронщик, уехал по контракту, да так и осел в Калифорнии. На волынке играет виртуозно. Когда затянул про "Сотню юных бойцов", у меня потекли слезы.

Долго обсуждали идею о том, что при социализме было много хорошего, всего того, что мы раньше не ценили.

17 Ноября.

Пошел дождь. Протекла крыша и почему-то ванная. Из Москвы прилетела теща. Просила называть ее мамой. Самолет Аэрофлота, как полагается, опоздал на пять часов. Парковка в гараже обошлась в копейчку.

Вечером прорвало унитаз и выключили горячую воду. Какое-то зловещее совпадение. Грели воду на плите в кастрюльках. Естественно, обварил правую ногу. Когда мама поет в ванной, впечатление такое, что кого-то насилуют в консервной банке.

18 Ноября.

Утром опять побежал жаловаться администрации. Говорят, унитаз починят на следующей неделе, а воды не будет целый месяц.

21 Ноября.

Весь день под руководством тещи сажал морковку и чеснок на балконе. Как выяснилось, мама тайком провезла через таможеню семена и еще в целофановом пакетике какой-то пахучий кустик, клопомор, что-ли. Польза от него несомненная, подчистую исчезли пауки.

23-го. Кустик благоухает так, что жильцы в прачечную перестали ходить. Верно говорят: что русскому полезно, то немцу – смерть!

24 Ноября.

2:30 утра. Все пропало. Этажом выше поселились вандалы. Вот уже вторую ночь подряд они устраивают оргии. Только что упала со стены подаренная тещей репродукция "Запорожские казаки пишут ответ турецкому султану". Яду мне...

27 -го. Мама завтракала купленным в русском магазине печеньем "Юбилейное" и умудрилась сломать об него зуб мудрости. Повез ее к врачу. Коронка обойдется... Впрочем, не будем о грустном.

29, 30 ... 6 декабря.

Отправили маму в Лас-Вегас на экскурсию. Недорого.

8-го.

Все пропало. У мамы была кредитная карточка. Все эти казино и рулетки – порождение пороков капитализма. Если умру, считайте меня коммунистом.

12 декабря.

Мы снова остались одни. Мама, проведя в воздухе каких-нибудь двенадцать часов, совершила мягкую посадку в городе-герое Москве. Вечером пустили горячую воду.

14 декабря. Сегодня были на новоселье у знакомых. Буржуи, купили трехкомнатный сарайчик с участком. Тишина, звезды светят, никто не стирает и над головой не ходит. Нет, это немыслимо. Пол-миллиона долларов...

15, 17. И, кажется, двадцатое.

Не спим ночами. Посчитали, что если даже взять деньги под проценты, будем платить всего в полтора раза больше, чем за нашу квартиру. Соблазнительно.

Рождество Христово.

У нас революционная ситуация: верхи не хотят – это которые оргии ночами устраивают, а низы, то есть мы, жильцы первого этажа, не могут. Нет, как говорили классики, так больше жить нельзя.

Новый Год.

Познакомились на вечеринке с агентшей по продаже домов. Зовут Эммой. Сама она из-под Гомеля. Подвижная бабенка, только болтает много. Завтра с утра обещала показать нам проклятую капиталистическую недвижимость.

5-го января, десять утра.

Ничего не понял. Эмма бьет себя в грудь и утверждает, что мы подписали договор. Судорожно пытаемся вспомнить, какой из домов мы собираемся купить. Оказалось, что двухэтажный, и во дворе маленький бассейн. Как в кино про красивую жизнь. Ох и заживем...

6-го. Надо платить: банку, агенту, инспектору, клерку. И частному экстерминатору по насекомым. Эмма грозит, что если ему не заплатим, термиты съедят весь фундамент. Тогда всем нам будет плохо. Короче, зовут экстерминатора Мишей, он тоже из-под Гомеля и дружен с Эммой. Факт этот несколько настораживает.

7 января.

Весь день звонили по телефону и обменивались факсами с финансовым агентом. Подписали кучу бумаг. Говорят, теперь дело в шляпе. Агента зовут Эллой, она русская, из-под Гомеля, и дружит с Эммой. Факт этот настораживает.

8 января. Элла оказалась женой Миши, а Миша сводным братом Эммы. Это у них семейный бизнес, что-ли? Когда я услышал, сколько процентов они хотят получить с продажи, что-то сместилось в организме и стало как-то со всех сторон неправильно и нехорошо.

10 числа. Эмма забыла подготовить какие-то документы, а Элла потеряла бумаги. Все на грани катастрофы. Неужели сорвется?

13-го того же месяца. К счастью, в банке работает знакомая Миши, из Одессы. Она все устроила, пришлось подписать какое-то письмо, удостоверяющее, что она, якобы, наша кузина.

17 числа.

Не спится. Подписывали бумаги. Обнаружили, что ошиблись в расчетах.

Выплачивать придется гораздо больше, чем мы думали. Отказаться уже поздно.

5 февраля.

Послезавтра переезжаем. У Эммы нашелся родственник, Эдик, занимается перевозками. Он тоже из-под Гомеля. Меня это уже не настораживает.

7 февраля.

Прочитал последнюю запись и решил: А зря!

Явился Эдик с двумя мрачными бородатыми мужиками. При погрузке уронили коробку. Разбили семейный хрусталь. Жаль. При разгрузке сломали телевизор и входную дверь. Петли вылетели из стены с мясом, не знаю что и делать. Правда, говорят, район здесь очень тихий.

8 февраля.

9:00 утра. Как же все-таки здорово! Утром вышел в садик. Тишина, солнышко. Теперь – за работу! Допишу вечером. Как приятна должна быть работа в собственном доме, в собственном, купленном в рассрочку саду.

11:15 вечера. Сверлил дырку в стене. Оказалось, что стена полая – стоило чуть-чуть нажать, и дрель провалилась внутрь. Тут же откуда-то появились странные жуки черного цвета, которые вереницей побежали по стене и залезли в образовавшееся отверстие. Долго думал, решил, что так вот, невзначай, начинается белая горячка. Мучительно вспоминал, что и как пил, выяснилось, что не пил совсем. От раздумий избавила вторая волна внутривенной эмиграции жуков. Вначале стряхивал их метлой, потом заклеил дырку липкой лентой.

Еще неприятность: засорился унитаз на втором этаже. Совсем мучительно, даже как-то тревожно вспоминал про сообщающиеся сосуды. Действительно, ведь стоит только открыть кран на кухне, как уровень жидкости в унитазе угрожающе повышается. Приспособились мыть руки в бассейне.

9-го февраля. Проснулся ночью от странного, хлюпающего звука. Долго бегал по дому. Оказалось, что в гараже прорвало водопроводную трубу. Затопило коробки с вещами. Воду пришлось перекрыть.

Вызвали водопроводчика. Говорит, что надо менять трубы. Придется брать дополнительную ссуду в банке.

У соседей за забором живут три волкодава злобного характера. Стоит выйти во двор или вечером зажечь в доме свет, как они впадают в истерику. Ходим на цыпочках. Надо бы пойти поговорить с хозяевами.

10 февраля.

Хозяин собак разговаривать отказался и спустил их с поводка. Штаны пропали. Буду жаловаться в городское управление.

12 февраля.

Вчерашний день прошел без приключений, но сегодня сломалась автоматическая дверь в гараже. Она больше не закрывается. Мы решили, что гараж может постоять и открытым, ведь стояла же наша машина на улице, когда мы снимали квартиру.

13 февраля. Сегодня ночью из гаража украли пилу, лопату, раскладную лестницу и зачем-то исцарапали машину гвоздем. Ума не приложу, кому это все надо. Соседи все люди приличные, а посторонние в этот квартал вроде бы не заходят...

15 февраля.

Перекосялся второй этаж. Осел, можно сказать, на наших глазах, со скрипом. На бетонной плите во дворе появилась большая трещина. Сегодня заеду в магазин, куплю цемент.

19 февраля.

Случилась неприятность. Ночью был сильный ветер, на угол нашего дома упала пальма. Снесла часть крыши, но второй этаж сам собой выпрямился. Весь день звонил в страховую компанию и в муниципалитет. Они никак не разберутся между собой, наша это пальма или нет. Дело в том, что росла она на улице, за тротуаром, и к нашему участку, вроде бы не относилась. Если пальма окажется городской, то крышу починят за счет муниципалитета.

20 февраля. Пальма признана нашей, какая неприятность. Денег на починку крыши нет. Главное – не отчаиваться. Тем более, говорят, что дожди скоро закончатся. Пока что проложу крышу полиэтиленовой пленкой. Зато есть и хорошая новость: городское управление пообещало прислать подъемный кран и бесплатно отбуксировать дерево на лесопильню.

Пришел счет за газ. Ничего не понимаю.

21 февраля.

Сильно пахнет газом. Вот почему счет такой большой??? Не взлететь бы на воздух.

Напор воды в кране заметно упал. Звонил в страховую компанию. Говорят, коррозия металла.

22 февраля. Прилетела теща.

23 -го. Бывший День Советской Армии и Военно-Морского флота. Вечером немного выпил за мужчин, потом вспомнил фильм про Штирлица в стане врага: налил себе рюмку водки, зажег камин и спел "Полюшко-Поле". Присутствовавшие меня молчаливо осудили.

25. Мама утверждает, что ее дернуло током в бассейне, когда она пробовала ногой температуру воды. Весь день держится за сердце и причитает. Честно обошел весь бассейн, засовывал пальцы. Вроде бы не дергает. Мораль: не суй выдающиеся наружу части тела туда, куда не надо.

27 февраля. Устроили новоселье – Эмма долго намекала на то, что все ее клиенты обязательно зовут ее на вечеринку. Да и перед знакомыми неудобно. Все поздравляли. Не обошлось без эксцессов – дети сломали перила на лестнице, измазали стену и накидали камней в бассейн.

28-го утро. Купил в магазине сачок. Вылавливаю камни со дна бассейна. Стенки начали зарастать гадкими зелеными водорослями. Одна с ним морока, с этим бассейном, может быть его залить цементом?

1 Марта. Полным ходом идут сельскохозяйственные работы. Работниками полей заложены грядки для посадки огурцов, кабачков, помидоров, редиски и зеленого лука. Зачем???

2 Марта. Фонари в бассейне отделились от стенок, вывалились и разбились. Причина неизвестна. Дно в осколках. На этот раз и меня дернуло током. Пришлось отключать электричество. Большие куски стекла я с грехом пополам вытащил шваброй. Что делать с маленькими – не знаю.

3 Марта. Друзья рекомендовали купить автоматического робота для очистки дна. Дорогой, зараза. Виляет под водой хвостом как живой, ползает по дну и высасывает грязь.

4 Марта. Робота пришлось выключить – он до смерти перепугал маму. Выпрыгнул из воды и, виляя хвостом, погнался за ней по грядке. Она после этого инцидента весь день ходит обиженная и держится за сердце.

7 Марта. Из бассейна куда-то утекает вода. Доливаем каждый день, к вечеру трети как не бывало. Может быть, дом из-за этого и оседает?

8 Марта. Международный Женский день. Подарил женщинам духи, ударно вскопал две грядки. Сломался холодильник. Пришел счет за воду. Ничего не понимаю. Кажется, совсем кончились деньги.

9 Марта. Протекла ванная. Занял пятьсот долларов до получки. Почему-то всю ночь снился праздничный парад на Красной Площади.

10 марта. Поехал в русский видеопрокат. Взял мультфильм про Мальчиша-Кибальчиша. Смотрел ночью, тайком. Много плакал. Больно, что приходится скрываться, уходить в подполье.

12 Марта. Разбирал коробки в гараже, наткнулся на томик "Избранных статей В. И. Ленина", учебное пособие для средней школы, издательство "Просвещение". Черт его знает, откуда он взялся. Открыл наугад, и вдруг зацепило за живое. Читал с интересом всю ночь. Про ревизионистов он хорошо. И очень верно он это про теорию слабого звена подметил. Стыдно мне должно быть. Ведь в школе когда учился, в одно ухо влетало, в другое вылетало... Ну что же, лучше поздно, чем никогда.

15 Марта. Никто меня не понимает и не оценивает. Ну и пусть! Талантливые люди всегда одиноки и непоняты окружающими.

17 Марта. Ввиду сложившейся вокруг меня обстановки нетерпимости и злобно-обывательского мещанства, ухожу в Разлив. Благо, около забора есть пятачок земли. Уже наполовину сложил шалашик. Фонарик, старый спальник, бумага, много ли нужно человеку?

Надцатого Мартобря. Ниоткуда с приветом.

Много работал. Писал всю ночь конспекты по "Избранным статьям".

19 марта.

Классовые враги, запустившие свои ядовитые щупальца в самое сердце пролетарской революции, ликвидировали мой Разлив, заложив на его месте грядку с клубникой. Частнособственнические, кулацкие настроения проникли в нашу семью. Ну что же. Пролетариату нечего терять, кроме своих цепей, а приобретет он весь мир!

Выдержка из газеты "Вечерний Курьер" от 9 апреля 199... года.

По сообщениям очевидцев, в горах, прилегающих к муниципальному парку, в течение последних двух недель была замечена необычная для этих мест активность. Впрочем, если первые сообщения о замеченном в горах снежном человеке и неопознанных

летающих объектах скорее походили на первоапрельскую шутку, то в субботу работникам парка пришлось отнестись к делу со всей серьезностью. Посетителей парка, пришедших провести выходные наедине с природой, совершить прогулку по любимым тропам, приветствовали написанные от руки листовки прокоммунистического содержания, прикрепленные к деревьям, зданию администрации парка, и даже к общественному туалету.

Благодаря усилиям работников парка и вызванному наряду полиции, нарушитель спокойствия был вскоре задержан. Им оказался программист одной из местных компаний Сергей Борисов, эмигрировавший в США из России более пяти лет назад. Борисов жил в шалаше, и, несмотря на признаки физического истощения, оказал сопротивление при аресте. В шалаше также были найдены книги и рукописи коммунистического содержания на русском языке.

Борисов разыскивался полицией в течение последних двух недель после того, как он исчез из дома. Жена Борисова отказалась прокомментировать происходящее. Коллеги Борисова по работе характеризовали его как квалифицированного сотрудника и были крайне удивлены его поведением. Впрочем, по некоторым сообщениям, нервы Борисова в последнее время были расстроены финансовыми проблемами, возникшими после покупки дома, что, возможно, и объясняет этот экстравагантный поступок русского инженера.

Наш корреспондент сообщает, что за последние месяцы это уже не первый подобный случай с выходцами из стран бывшего Советского Союза. Возможно, наши читатели еще не забыли террористический акт, совершенный 7 ноября прошлого года аспирантом кафедры математики Стэнфордского университета Александром Добруниным, захватившим смотровую площадку Института исследований России имени Гувера, и вывесившим из окон красные флаги в честь годовщины русской революции.

Причина обоих инцидентов установлена медицинской комиссией. Как сообщил нам профессор кафедры неврологии Роджер Хьюз, симптом этот исследуется уже давно и получил название "Хомункулус Ностальгикус Пост-Советикус".

"Борисов – находка для нас, – заявил профессор Хьюз. – Он является типичным представителем симптома "Пост-Советикус", и в ближайшие месяцы будет проходить курс лечения в клинике нервных болезней."

Примечательна реакция на происшедшее Национальной Всеамериканской Комиссии Инженеров. Они требуют от конгресса ограничения допуска в страну русских специалистов, занимающих рабочие места и зачастую пропагандирующих среди коллег коммунистические идеи. Впрочем, эта инициатива Национальной Комиссии вряд ли встретит поддержку крупного и мелкого бизнеса Калифорнии, на три четверти зависящего от притока зарубежной рабочей силы.

*

Федеральное Бюро Расследований. Совершенно Секретно. Найдено в мужском туалете клиники нервных болезней записанным на рулоне туалетной бумаги.

22 апреля 199...

Из собрания партийной ячейки пациентов

Клиники Нервных Болезней им. Карла Энгельса

Стэнфорд, Медицинский Центр.

Присутствовали товарищи:

И. Подмогильный – секретарь ячейки

А. Добрунин

С. Борисов – Разливный

А. Никитин

Н. Каутский

И. Бернштейн – финансовый секретарь, комиссар.

Повестка дня:

1. Празднование дня рождения В. И. Ульянова – Ленина. Докладчик – тов. Подмогильный.

2. Принятие программы-минимум Всеамериканской Коммунистической рабочей русской партии большевиков ВКРРП. Докладчик – тов. Борисов – партийная кличка Разливный.

Постановили: Одобрить теорию пролетарской революции, разработанной гениальным вождем международного рабочего... Обобщить положение "О возможности победы пролетарской революции в одном, отдельно взятом штате"

Революция только тогда чего-то стоит, когда она умеет защищаться.

Далее совсем неразборчиво, бумага порвана.

... Захватить вокзал. Телеграф...

Я себя под Лениным чищу ... Чтобы плыть в революцию дальше.

Ночь в Цветущих садах Бомбея

Все в жизни Лени Цыплова в течение последних трех недель складывалось на редкость неудачно. А началась полоса невезения ровно девятнадцать дней назад, когда он летел в самолете, совершающим рейс Москва-Сан-Франциско. И черт его дернул взять с собой эту проклятую книжку.

Дело в том, что бывший аспирант кафедры вычислительной математики Цыпов всегда славился среди друзей своим обстоятельным подходом к жизни, зачастую граничившим с занудством. Неудивительно, что получив приглашение на работу в Америке, Леня решил всесторонне подготовиться к жизни в новых условиях, и отправился в районную библиотеку. Там на интересующую Леню тему обнаружилась толстая, зачитанная до дыр книжка с интригующим названием: "Кремниевая Долина. Краткий очерк нравов и экономической географии". Но тут навалились дела, книжка пылилась на столе, а Цыпов получал визы и подписывал бесконечные обходные листы. Пришлось пойти на преступление против совести: книжка была временно похищена, а Леня твердо решил, что проштудирует книжку в самолете и вышлет ее обратно по почте.

"Кремниевая долина – империалистический ад, – прочел он, когда самолет поднялся в воздух. – Мы поднялись на гору. Под нами ядовитым желто-фиолетовым туманом висел смог и клубились продукты переработки военных фирм, как навозные черви расплодившихся в так называемой "Кремниевой долине". Безжизненный пейзаж, только стратегические бобардировщики как жирные жуки взлетают и садятся на базу ВВС США, оглушая жителей ревом своих двигателей. Бетонные коробки, в которых разрабатывается оружие массового уничтожения, средства электронного аэрокосмического шпионажа. Отравленные реки и озера. Умирующие от удушья люди. А ведь еще недавно здесь до самого горизонта простирались цветущие яблоневые и вишневые сады... Но империалистическим агрессорам этого было мало. Реакционная военщина изобрела электричество, электронную лампу, реактивный двигатель, транзистор, эксплуатацию человека человеком, кассетный магнитофон, персональный компьютер... И сады были безжалостно вырублены, а все это было сделано на деньги военно-промышленных корпораций..."

Тут Леня Цыпов почувствовал себя неудобно. С каждой прочитанной страницей ему становилось все страшнее и страшнее. Он летел в неизвестность, в промышленный ад, в долину желтого дьявола. Пальцы его начали дрожать, он даже расплескал стаканчик кофе, принесенный заботливой стюардессой. Леня, конечно, понимал, что учебник экономической географии для средней школы, выпущенный несколько лет назад, может быть весьма необъективен. Нет, здесь дело было в другом, в каком-то тоскливом, не подвластном разуму предчувствии...

Работу в Америке Леня Цыпов нашел случайно, через своего приятеля Сережку Петрова, уехавшего работать в Калифорнию пару лет назад. Петров теперь был начальником группы в знаменитой компании "Cognixus" и перетягивал к себе старых друзей по университету.

"Коньюксус"... Коньюксус. Название это откликалось и в русском, и в англоязычном ухе. Русским оно прежде всего напоминало о лошадаках и уксусе. Маринованная конина, впрочем, отнюдь не находила отклика в сердцах аборигенов. По правде сказать, название это было придумано лет десять назад за значительное денежное вознаграждение преуспевающим Калифорнийским адвокатом Эриком Гринбергом. По мнению Гринберга,

"Cognexus" создавал интригующие ассоциации с сознанием (Cognition), пользователями (Users) в их слегка латинской интерпретации, и с коитусом. Тем не менее, название компании, пригласившей Цыплова на работу, было для Лени почти-что святым и густо окрашенным ностальгическими воспоминаниями. Когда-то, в незапамятные времена делал он диплом, и, сидя в университетской библиотеке, листал разноцветный буржуйский журнал. Чего только там не было, особенно вспоминалась Цыплову статья которую он с возбуждением пересказывал сокурсникам: "Основатель компании "Cognexus", совершивший подлинную революцию на рынке компьютерных сетей, ездит на работу на пожарной машине. На вопрос, откуда у него пожарная машина, он ответил: Очень просто: продал старую пожарную машину, и купил новую".

Sic transit gloria mundi... Так разбиваются юношеские мечты... В первый же рабочий день на новом месте Леня встречался с тем самым легендарным президентом компании. Президент заметно постарел, он запомнился Лене опухшим лицом, солидным брюшком, длинными, нечесанными седыми волосами, свисавшими до пояса, и сильнейшим запахом бензина.

– Хелло, Леонид, – он старательно выговорил это слово. – Как настроение? Мы рады притоку молодежи в нашу компанию. Несмотря на наши все углубляющиеся и расширяющиеся финансовые трудности.

– Спасибо, – изо всех сил стараясь подражать американскому выговору, произнес Леня. – Я счастлив буду работать с Вами. Я много читал о вашей легендарной компании. Я еще когда студентом был, знал, что Вы ездите на пожарной машине...

– Да ну ее к черту! – Президент компании неожиданно рассердился. – Вчера на выезде с хайвея встала. Двигатель умирает, вода в цилиндры попала, трещины всюду пошли. Сумасшедшие деньги, уж лучше бы обычную "Тойоту" купил... Да, кстати, не забудьте заполнить анкету, особое внимание обратите на ваш личный, комплексный корпоративный план молодого специалиста. Это очень важно, многие не понимают, ерничают, но на самом деле... Очень, очень, крайне, чрезвычайно...

– Что?

– Важно. Анкету заполнить. Комплексный план.

– А, конечно, я заполню сразу же – согласился с начальником Леня, и с того момента начал разочаровываться в Америке.

Америка не оправдывала его ожиданий. Нет, страшная книжка из районной библиотеки, конечно, привирала: воздух в долине был чистым, всюду росли зеленые деревья, и даже цвели розы. Но во всем остальном... Взять хотя бы этот гамбургер, только что купленный на ужин в соседнем "Мак-Дональдсе". Картонная коробочка, булка со сделанной из водорослей котлетой, увядший еще на грядке помидор, лист салата с хрустящей на зубах землей, все они почему-то размякли, и, в результате странной химической реакции, на глазах превращались в единую, липкую, напоминающую пластилин массу.

Да еще эта гостиница... В коридоре пахнет карболкой, ковер покрыт пятнами подозрительного происхождения. На тумбочке около кровати – сломанные часы-будильник с мигающим красным цветом циферблатом, вечно показывающим то-ли полночь, то-ли полдень. Часы эти совмещены с радио, которое раздражается агонизирующим хрипом в случайное время суток. К тому же, над кроватью висит весьма нравоучительная картина: сельская учительница-старая дева в длинном платье, и умильные детишки, подарившие ей подарок – что-то в коробочке, перевязанной алой ленточкой. С первого же дня проживания в гостиничном номере, и дети и старушка каждую ночь являлись Лене в кошмарных снах. Через несколько дней Цыпов не выдержал, и снял репродукцию со стены, но на следующий день обнаружил картину на прежнем месте. На тумбочке, однако,

лежало вежливое письмо, в котором указывалось на недопустимость изменения и перемещения объектов интерьера без согласования с администрацией.

Но самое противное заключалось в том, что трехнедельный срок проживания в гостинице, установленный для новых сотрудников компании "Коньюксус", неумолимо истекал через два дня. При мысли об этом прискорбном обстоятельстве, у Лени вставали дыбом волосы на голове и начинали предательски потеть ладони.

Квартирный вопрос вызывал у Лени Цыплова все углубляющуюся депрессию. Мало того, что оказавшись в чужой стране, Леня судорожно привыкал к английскому языку, непонятной ему работе и вождению автомобиля... С автомобилем, к счастью, повезло: Сережка Петров одолжил ему свою развалюху конца семидесятых годов. Но жилье, жилье...

Сколько Цыплов себя помнил, ему вечно было негде жить – в общежитии, в коммуналке, обивая пороги соседских домов в поисках жилья, потом восемь квадратных метров по соседству с тещей, и вот... Выросший в период распада развитого социализма, Леонид Алексеевич Цыплов в самом что ни на есть кошмарном сне не мог себе представить, что останется без крыши над головой неподалеку от покрытого туманами Сан-Франциско, по соседству со знаменитым Стэнфордским университетом, получив почти что высокооплачиваемую работу инженера по программному обеспечению в легендарном "Коньюксусе".

Тем не менее, жизнь оказалась гораздо богаче сухой партийной догмы, и поисками жилья Леня безуспешно занимался вот уже две с лишним недели. От занятия этого он начал впадать в отчаяние. Во-первых, самая что ни на есть скромненькая однокомнатная квартирka здесь стоила больше половины Лениной зарплаты. Во-вторых, оказалось, что даже за эти деньги в знаменитой "Кремниевой долине" жилье найти было невозможно. Он проштудировал все газеты, объехал примерно с сотню квартирных комплексов, и всюду наталкивался на стандартную реакцию: пожилые дамы в очках, полные мексиканки, усатые мужчины, белые, китайцы и индусы, все, кому бы не выпала судьба оказаться менеджером квартирного комплекса, смеялись над ним.

– У нас, мистер, лист ожидания на год вперед, – удивлялись они невежественности своего посетителя. – Заполните анкету, если у нас освободится квартира, мы вам позвоним.

– Но мне же срочно надо... – С каждым посещением очередного квартирного комплекса Леня нервничал все больше и больше. – Неужели у вас совсем ничего нет?

– Молодой человек, вы посмотрите, что делается. Промышленность на подъеме, к нам съезжаются люди со всего Китая, Индии и даже из штата Монтана! На улицах пробки, в магазинах очереди, цены на недвижимость взлетели в три раза. Не знаю, что вам и посоветовать. Знаете что, поезжайте-ка на юг, часа два-три по автостраде. Там начинаются мексиканские деревеньки, у них наверняка найдется комната, к тому же недорогая. Сэкономите кучу денег, будете вставать с первыми петухами, в пять утра...

Хуже того, за те две недели, в течение которых Леня занимался поисками квартиры, цены на съемное жилье подскочили еще почти что на двадцать процентов. В результате Цыплов начал тосковать и проявлять явные признаки мизантропии, и даже расизма. Проходя мимо окрестных домов, или стоя в очереди в кассу в супермаркете, он с неприязнью смотрел на беспечную человеческую толпу: замотанных в сари индусок, мужчин в чалмах, многодетные китайские семьи. "Им всем есть, где спать" – с ненавистью думал Леня. – "А я через несколько дней окажусь на улице".

Вот и сегодня поиски жилья закончились полным фиаско. Леня тяжело вздохнул, попытался укусить пластилинообразные остатки гамбургера, и тут зазвонил телефон.

– Мистер Циплонгх...

– Да, – Леня напрягся, пытаясь прорваться сквозь странный акцент говорящего. – Моя фамилия – Цыплов. Цыплофф...

– Мистер Цыплонгх... Какая радость! Мистер Раджаван хочет вас обрадовать. Есть апартамент в "Садах Бомбея". Мистер Раджаван просил передать: срочно приезжайте, подписывайте договор.

–Алло? – Леня судорожно смахнул пот со лба. – Я не слышу. В каких садах?

– Наш адрес: Сады Бомбея, один восемь один один, Ганди драйв. Договор надо подписать в течение получаса, иначе комнату не удержим. Я буду вас ждать около офиса.

– Я сейчас буду, честное слово, – Леня судорожно натягивал на себя штаны. – Проезд Ганди, ну да, кажется я там был на прошлой неделе. Сарайчики, хуже летнего пионерлагеря, но, выбирать не из чего. Кто же такой этот мистер Раджаван? Менеджер, что – ли, попробуй их всех упомни.

Ах, как он мчался по вечерней улице, освещенной фонарями и окаймленной автомобильными магазинами и пунктами видеопроката. Чем дальше от центра, тем более неуютно становилось вокруг. Неоновые надписи куда-то исчезли, по улице ходили странного вида люди в непонятных одеждах. К счастью, Ганди драйв располагался на боковой улочке, в более или менее приличном месте.

Смутило Леню то, что офис квартирному комплексу "Сады Бомбея" оказался пустым и темным, равно как и сами дома, в которых должны были проживать счастливые квартиросъемщики. Недоумевая, он обошел домик со всех сторон, дергая запертые двери...

– Мистер Цыплонгх? – Леня вздрогнул от неожиданности. Высокий, худой индус появился около него совершенно бесшумно. Одет он был в какое-то подобие туники и кожаные сандалии на босу ногу. Горящие глаза его сверкали в темноте, белели зубы, чуть ниже которых начиналась окладистая курчавая борода, а завершала экзотический облик прижатая к тунике папочка для бумаг, с тисненой надписью "Сады Бомбея".

– Да, – растерялся Леня.

– Странно. – Индус пристально посмотрел на него. – Извините, вы действительно мистер Цыплонгх из Калькутты?

– Я действительно мистер Цыплофф, но приехал из России.

– Нет, это наверняка ошибка. Извините, – и бородач с воровским видом спрятал папочку за спину.

– Меня рекомендовал мистер Раджаван. Я с ним очень хорошо знаком! – Леня уже начинал осознавать горькую реальность происходящего. Его всего-навсего спутали с каким-то блатным индусом. Таинственный мистер Раджаван был его последней надеждой, последней соломинкой в этом безумном месте.

– Ооо, – Бородач неожиданно вжал голову в плечи. – Мистер Цыплонгх, извините... Я просто Вас вначале не понял. Конечно, у друзей мистера Раджавана не будет никаких проблем. Простите, приходится быть осторожным, вы же понимаете... Поселишь случайных людей, а потом проблем не оберешься. Ваша квартира на первом этаже, номер сто пятьдесят. Подпишите вот здесь – бородач извлек из-за спины бумаги. – И вот здесь. И еще вот здесь, что вы не возражаете. Деньги, конечно, немаленькие, но для нашего времени вполне терпимые... Задаток можете принести завтра, или в субботу. Собственно, квартира уже готова, можете переезжать хоть сегодня... И передайте мистеру Раджавану мой большой привет.

– Все, дело в шляпе, – пьянящая радость овладела Леной. В руке его позвякивали латунного цвета ключи. Вот и его комната... О, счастье! Умывальник, плита, холодильник!!! Стены покрашены свежей краской!

Квартирка была, конечно, маленькой: комната метров в десять квадратных, с пристроенной сбоку кухонькой, и спальня, в которую кроме постели ничего и никогда не могло поместиться. На первый взгляд, в квартире было чисто, раковины сверкали белизной, и Леня решил, что переедет сюда сейчас же, невзирая на поздний час. Решение это было вызвано следующими тремя обстоятельствами: Во-первых, квартиру следовало заселить как можно быстрее, пока бородатый индус вместе с загадочным Раджаваном не сообразили, что Леня не тот, за кого себя выдает. Во-вторых, гостиница, а в особенности репродукция на стене, Лене осточертели. В третьих, все его пожитки занимали два маленьких чемодана, так что переезд не представлял никаких затруднений. Леню, впрочем, слегка смущало полное отсутствие мебели, как-то кровати, столов и стульев, но, поразмыслив, он решил, что несколько дней перекантуется на полу, благо его покрывал мягкий ковер, а в ближайшие выходные съездит в мебельный магазин.

Сборы и выписывание из гостиницы заняли каких-нибудь полчаса. О, блаженство! О, сладостный миг открывания ключом двери. О, желанное пространство, в котором можно спать, валяться на диване, смотреть телевизор, ужинать...

Леня размечтался, тем временем он аккуратно вырулил на улицу Ганди, подъехал к дому и с досадой обнаружил, что все места на стоянке заняты. Колесо к колесу, фара к фаре, рядом, притираясь к уличным фонарям и мусорным ящикам, стояли старые и новые средства передвижения. Даже его личное, персональное место, обозначенное крестиком на копии подписанной им бумажки о съеме квартиры, занимал динозавр – старенькая "Хонда" с кое-как прилаженными к ней огромными толстыми колесами. Колеса были украшены хромированными колпаками, с угрожающе торчащими наружу лезвиями, напоминавшими нож от буровой установки.

– Бардак! – возмутился Цыплов. Он долго искал бумагу, наконец нацарапал записку на обратной стороне старого конверта, подsunул его под дворник нарушителя, и принялся искать стоянку на соседней улице. Выяснилось, что и соседняя улица, и все прочие проезды и переулки были плотненько заставлены средствами передвижения. Наконец, Лене повезло: многодетная семья, состоящая из важно вышагивающего впереди мужчины с черными усами, трех молодых женщин в паранджах, и по крайней мере шести или семи детишек, уселась в микроавтобус и отъехала от обочины.

В освободившееся у обочины место Леня влезал с трудом. Он только начал заезжать на парковку, как вдруг из соседнего переулка на сумасшедшей скорости, с ревом выскочила старенькая "Мазда", и, взвизгнув тормозами, воровато попыталась втереться между капотом его машины и тротуаром. Тут нервы у Лени сдали, он нажал на гудок и начал мигать фарами, с отчаянием продвигаясь вперед. Раздался скрежет, "Мазда" недовольно фыркнула, даже как-то оскалилась, но отступила и снова спряталась на боковой улочке. Японская машинка никак не могла тягаться с бронированным "Шевроле" двадцатилетней давности – это все равно, как если бы "Жигули" перегородили дорогу правительственному "Зилу".

Приключений на сегодня Цыплову было более чем достаточно, он вытащил из багажника чемоданы, и потащил их по пешеходной дорожке. Идти до квартиры пришлось довольно далеко, и Леня почувствовал, что прошедший день вымотал его и морально, и физически.

Квартирный комплекс "Сады Бомбея" за прошедший час с небольшим волшебным образом преобразился. Окна были ярко освещены, а на дорожках, идущих вдоль стены здания, стояли свечи в стеклянных стаканчиках, и еще тлеющие ароматические палочки, распространявшие божественный аромат благовоний. У каждой двери в мерцании свечей стояли статуэтки многорукого Будды, а из квартир слышалось пение. Более всего поразило Леню огромное количество неизвестно откуда взявшихся кур, которые с наглым кудахтаньем бродили по дорожкам, что-то выклеывая из цементных плит.

Леня был заинтригован. Вообще-то, он никогда не имел дурной привычки заглядывать в чужие окна, но, проходя мимо очередной квартиры, из которой раздавался хор женских голосов, удержаться не смог.

Квартира, к его удивлению, была совершенно пустой. В ней не было ни столов, ни стульев, лишь подушки, постеленные на полу, горящие свечи, и женские спины в чем-то шелковом со складками. Вокруг женщин ползали по полу дети в подгузниках. В соседней комнате на полу стоял компьютер, а около него, на подушке, поджав под себя ноги расположился довольный, пузатый мужчина с длинными усами. Мужчина этот как две капли воды напоминал главу семейства, несколько минут назад освободившего заветное место на стоянке. Он что-то загребал левой рукой из пиалы, украшенной национальными узорами, а правой азартно стучал по клавиатуре. Картинка на экране была Лене знакома: усатый отец семейства играл в "Тетрис". Из квартиры пахло чем-то пряным и острым.

– Национальные традиции, успокаивал себя Леня, пробираясь между домиками. Наконец, заветная дверь, в отныне принадлежавшую ему квартиру открылась, он бросил чемоданы на пол, и почувствовал, что засыпает. – Теперь все будет хорошо, – мелькнуло в его сознании. Леня снял ботинки, накрылся зимней пуховой курткой, привезенной из России, и совершенно бесполезной в Калифорнии, и, устроившись на полу в спальне, заснул.

Проснулся он от жуткого зуда, поднимавшегося от ног к животу, и от странных вскриков, раздававшихся во дворе. Все тело его, а особенно ноги и низ живота, были одной сплошной областью чесучести, состоявшей из тысяч изолированных укусов.

На стенах полыхали красные и голубовато-зеленые тени, а со двора слышалась заунывная индийская музыка, взрывы, звяканье бубнов. Леня, чертыхаясь, подошел к окну и от удивления закашлялся.

Во дворе без малейшего смущения томно разгуливала почти-что белоснежная корова с одиноким коричневым пятном на боку. Около нее в экстазе плясали мужчины в простынях. Неподалеку от маленького голубого бассейна стояла неизвестно откуда взявшаяся надувная статуя Будды метра в три высотой, выкрашенная в бронзовый цвет, вокруг то и дело взрывались разноцветные фейерверки. Статуя слегка колыхалась, горели свечи, стучал барабан, танцевали женщины, и пахло ароматическим деревом.

– Черт! – Леню что-то больно укусило в ногу, и он включил свет. Крохотные, черненькие точки, молнией прыгнули на штору, и он вспомнил, как в деревне собаки выкусывали блох, яростно гоняясь за собственным хвостом.

Ехать в супермаркет за противоблошиным дезодорантом не хотелось, тем более, что у Лени не было ни малейшего желания снова кружить по улицам в поисках места для парковки. С другой стороны, быть съеденным вредными насекомыми... И тут Цыплова осенило...

– Эврика! – Он содрал с себя одежду, открыл кран в ванной, и залез в нее. Затем, приоткрыв решетку для слива, и подкрутив кран с горячей водой, Леня удостоверился, что находится в состоянии устойчивого притока и оттока, а также в полной безопасности от кровососущих, и задремал.

Зуд все усиливался, кроме того беспокоил Леню стук в дверь, навязчивый и непрекращающийся.

– Бррр! Ужас какой, – Цыплов замотался в махровое полотенце и вспомнил, как они с женой покупали его в универмаге накануне Нового Года... – Верочка, – всхлипнул он. – Как же хорошо нам тогда было!

– Хэлло! – Леня приоткрыл дверь и с испугом отпрянул назад. На пороге стоял типичный дервиш – худощавый старик с клюкой, выпавшими зубами и длинными, склокоченными волосами.

– Харранга! – Воскликнул дервиш, и с размаху ударил Леню клюкой по плечу.

– Извините, – попытался возразить Леня.

– Харранга! – С ненавистью повторил дервиш. – Икшинбур! – Он схватил Леню за плечо и вытащил его за порог. – Икшинбур, – дервиш снова замахнулся клюкой.

– Иду, иду, – Лене показалось, что он спит и видит кошмарный сон. Двери во все квартиры были широко распахнуты, во дворе былолюдно, ползали дети, около здания офиса жарили барашка на вертеле. Запомнились Лене факиры, и еще один господин с коброй, который, как в дурацком кино, играл ей на флейте. Кобра была очковой, и, по-видимому, очень старой. Она мудрыми глазами смотрела на окружающее, и все время пыталась свернуться кольцом в корзинке и заснуть. Но тут флейтист раздражался невыносимыми трелями, и тогда уставшая змея делала еще несколько пируэтов.

– Икшинбур! – Взвизгнул дервиш, подведя Леню к восседающему около бассейна Будде.

– Я только надеюсь, что они не делают жертвоприношений, – мелькнула в голове Цыплова суеверная мысль, но тут дервиш неожиданно сильно ударил его клюкой между лопаток, подтолкнув его вперед.

– Мамочка! – всхлипнула жертва, рухнув в бассейн, и от неожиданности наглотавшись хлорированной воды. Вынырнув на поверхность, Леня обнаружил, что вокруг него плавают лепестки цветов, тарелочки с ароматическими благовониями, а женщины в сари исполняют на берегу какой-то экзотический танец со все убыстряющимися движениями и поют что-то вроде "Пей-до-дна".

Тут Цыплов почувствовал, что всеми его членами овладело какое-то странное оцепенение, и начал тонуть. Каким-то краешком своего сознания, он вспоминал, что женщины вытащили его из воды, растирали какой-то мазью, а потом Леня не мог вспомнить уже ничего. Он даже не был уверен в том, что той ночью сохранил верность своей жене Верочке, которая должна была приехать к нему через пару месяцев.

Проснулся Леня от холода. Он лежал на полу своей квартиры, завернутый в мокрую простыню и облепленный фиолетовыми лепестками неизвестных ему цветов. Похоже, цветы эти, распространявшие едкий аромат, или мазь, впитавшаяся в его кожу, сняли боль от укусов и отгнали блох, по крайней мере отек спал, а зуд начал проходить.

– Как глупо мы живем, – подумал Леня, посмотрев на себя в зеркало и обнаружив ритуальное пятно на том месте, в котором по преданию располагался третий глаз.. – Все время бежим куда-то, чего-то хотим, добиваемся, делаем вид, что работаем. А на деле – все тлен и пустота. – Он добрел до ванной, включил кран, погрузился в теплую воду, и время начало свое медленное течение. Солнце совершало восход, играя лучиками на потолке, потом становилось темно. Вечером прозрачные капли конденсировались на стенках, стекали вниз, а поутру

вновь набухали серебристой, светящейся изнутри росой. Изредка хотелось есть, но как-то все реже и реже. Леня уже почти полностью слился с ванной душем и телой, как вдруг что-то нарушило гармонию, прорвавшись к нему из окружающей эфемерной оболочки.

– Ну, блин, ты и даешь прикурить, герой! Мотайся здесь по квартирам, понимаешь, разыскивай тебя. А работать кто будет? Хоть бы позвонил, гад такой!

Леня приоткрыл глаза. В ванной комнате стоял Сережка Петров в кожаной куртке, курил сигарету, и брезгливо морщился.

– Сережа, – Леня почувствовал, что язык не слушается его.

– Елки-моталки, я же тебя предупреждал, не снимай первую попавшуюся дыру. Старших надо слушать. – На, сушишь! – Сережка протянул ему полотенце.

– Я, – Лене стало обидно. – Я же как лучше хотел...Квартир же совсем не было...

– Тебе еще повезло. В прошлом году Гарик Самойлов приехал, так этот чудак на букву "М" умудрился у "Черных Пантер" комнату снять. Представляешь, что с ним было? Еле ноги унес. А Ванька Алтухов? Этот дурень к в какую-то секту попал, которая решила, что наступил конец света. Да у тебя здесь курорт по сравнению с ними, индусы, вообще, ребята хорошие, мирные. Вон они тебя как от укусов вылечили, считай, что тебе повезло. Толю Волкова полгода назад так искусали, что он в больнице две недели провалялся на антибиотиках, а страховка платить отказалась.

– Сережа! Я домой хочу, к Вере. Не могу больше. Отпусти ты меня, пожалуйста.

– Ты эту дурь из головы выбрось! Ты чего, меня что-ли подвести хочешь? Не фигу себе, разговорчики, я за тебя ходатайствовал, визу оформлял, а ты на попятный. Нет, Леня, этот номер не пройдет...

– Да не могу я больше, я же сказал... Мочи нет все это терпеть.

– Ты не переживай, успокойся. Ты с нашим вице-президентом Ваго Тахакаши встречался?

– Кажется да, – удивился Леня. – А что?

– Он недавно продал акции и купил сеть квартирных комплексов "Цветы Сакуры у подножия Фудзиямы". Ты Сашими любишь?

– Чего?

– Ну, сырую рыбу любишь? Национальное японское кушанье. С Васоби, это горчица такая зелененькая. Очень полезно для здоровья и похмелье снимает в два счета...

– Не знаю, не пробовал, – грустно признался в собственном невежестве Леня.

– Ну ладно, бросай комплексовать. Сейчас поедем в японский ресторан, выпьешь саке, успокоишься. Короче, квартира у тебя будет, Ваго обещал. И Вера к тебе прилетит. А на худой конец, если у японцев не понравится, мы тебя в "Великую Стену" определим. Наш отдел продаж ее скупил на корню. Ты как относишься к китайской кухне?

Леня сел на пол, и, обхватив голову руками, горько заплакал. Впрочем, все закончилось хорошо. Цыпловы поселились в "Цветях Сакуры", и вскоре получили вид на жительство в Америке. Через год с небольшим Леня порвал с наукой и техникой, и занялся куплей и продажей недвижимости. У него теперь своя компания "Терем-Теремок", весьма приличный квартирный комплекс на границе Пало-Альто, неподалеку от штаб-квартиры "Sun Microsystems". А поскольку русских инженеров и программистов в Калифорнии стало видимо-невидимо, то дела у Лени пошли в гору. Позавчера мы с ним пили водку на дне рождения моего приятеля, там-то он мне всю эту историю и рассказал. Так что, хотите – верьте, хотите – нет, я ничего не придумал. И даже книжку про кремниевую долину, с которой эта история началась, держал в руках. Москва, Издательство "Просвещение", 1992 год. Вот такие дела.

Мы-русские, других таких нет.

Мы встречали Новый Год как всегда, в теплой дружеской компании, на краю Запада, плавно перетекающего в Восток. Как говорил великий Киплинг, Запад есть Запад, а Восток есть Восток, и им никогда не сойтись.

Мы – это русские, живущие неподалеку от Сан-Франциско. Не поймите меня превратно, русские мы не столько по национальности, сколько по состоянию души. Вернее, русские по национальности среди нас тоже есть. Чего стоит один Саша Коган?

Вы сейчас начнете иронично усмехаться, или, не приведи Господь, решите, что я издеваюсь над национальной гордостью великороссов. Тем не менее, Саша Коган – действительно русский. Единственным Коганом в его роду был пра-пра-пра-пра-дедушка, поставщик сукна, крещеный еще при Екатерине Великой. Все остальные – как на духу чистокровнейшие славяне и немцы, да еще благородных фамилий и кровей. А вот фамилия осталась, передавалась из поколения в поколение.

– А, ну-ну, Коган он и есть Коган, – вижу я недоверие на лице моих читателей. Не спешите, когда Когана брали на работу, лет двадцать назад, точно так же усмехался начальник отдела кадров солидного академического института. Сашке пришлось подробнейшим образом расписывать на листочке бумаги свою родословную, прилагая многочисленные метрики и свидетельства. Ознакомившись с ними, старый кадровик, сам того не зная, повторил известный анекдот:

– Хмм... – глубокомысленно сказал он. – Я все понимаю. Но фамилия... Фамилия... Никому же не объяснишь. Уж лучше бы он был настоящим евреем, тогда, по крайней мере, не пришлось бы оправдываться.

Ну ладно, чего это я с Когана начал? Вот Андрей Бородин, у него уж точно "только русские в родне". Проповедник системного программирования, высоченный и наголо обритый, вокруг него всегда возникают какие-то безумные ситуации и истории. В Америку Андрей попал нелегально, был уволен за разгильдяйство из по крайней мере десяти компаний, жил во всех известных мне американских штатах, кроме Гавайских островов, разбил четыре автомобиля, отбыл срок в тюрьме за вождение в нетрезвом виде. К тому же, он получил несколько патентов, недавно разбогател, но, по слухам, проиграл все состояние в Лас-Вегасе, проверяя какую-то свою заумную статистическую теорию игры в рулетку.

Справа от него сидит Сахрат Харапов, бывший заведующий лабораторией, доктор, профессор, автор многочисленных монографий, вышедших на всех языках, кроме суахили. С иностранными языками, особенно с английским, у Сахрата взаимоотношения сложные – у него ими природное невладение, поэтому он работает кем угодно, но исключительно в тех компаниях и университетах, в которых разговаривают на великом и могучем. По национальности... Ну да, лицо у него вполне кавказской национальности, а в минуты гнева рука так и тянется к кинжалу. Правда, горец Сахрат, когда выпьет, утверждает, что он на самом деле – тат, или горский еврей.

Ну, конечно, равнинных среди нас тоже немало. Взять, хотя бы нашего профессора. Профессор – это его уважительная кличка, профессоров среди нас несколько, но он – особенный, так как является членом-корреспондентом бывшей Академии Наук. Семен Александрович. Типичный представитель малого, но вредоносного народа. Все ему не сидится, хотя работал простым инженером, вечерами уравнения писал. Его недавно с

работы уволили за излишнюю сообразительность, так что он – наш почетный американский безработный.

А вот и Миша Суховертов, органично вписавшийся в нашу компанию бывший шофер дальних перевозок. Попал он в Америку посредством супруги, которая нашла работу в одной из местных компаний. По приезду прославился тем, что привез с собой в чемодане топор, чем привел в ужас американских таможенников. Удивительно, ведь они наверняка не читали Достоевского.

Когда старый год уходит в небытие, каждым из нас овладевает грусть, смешанная с тревогой. С одной стороны, всматриваясь в прошлое, понимаешь, что жизнь не удалась, или удалась, но не так, и в целом, прожита напрасно, с другой – слегка опасаясь того, что готовит год грядущий. Уж не был бы он хуже прошедшего. Компания замолкает, и, отводя друг от друга глаза, погружается в оцепенение.

– А не выпить ли нам, не проводить ли уходящий год? – Миша-бывший шофер проявляет необходимую народную смекалку, и все заметно оживляются.

– Будем здоровы...

– А у меня есть сюрприз. Кто хочет палочку здоровья? – Миша-шофер вытаскивает из кармана пачку настоящего "Беломора".

– Ух ты, елки-палки, а ну давай сюда, – Сахрат нетерпеливо сплющивает папиросу и жадно закуривает. – Ну, спасибо, удружил.

– Мне тоже, если можно, – Андрей Бородин обращается с беломориной любовно, он нежно ее оглаживает, нюхает табак, и только потом затягивается, прикрыв глаза. – Дукатская. Но все-таки, Питерский, фабрики Урицкого, получше.

– Где достал? – Сахрат хватается Мишку-шофера за рукав.

– Достал... Да если бы ты знал, сколько мне этот Беломор крови стоил. Друзья несколько коробок послали, почему-то через Венесуэлу. И вот, представляешь, на таможе вскрыли и обалдели от такой наглости. Ящик из Венесуэлы, и весь набит какими-то странными косяками. Каких только анализов не делали, меня даже в русское консульство вызывали!

– Ты мне рассказываешь, – Сахрат презрительно морщится. – Мне год назад знакомые пару пачек привезли, я сажусь в машину, закурил, и вдруг за мной полицейский на мотоцикле с мигалкой. Руки заломил, наручники надел. Думал, я травку за рулем потягиваю. Целые сутки в полиции просидел, пока разобрались.

– Нет, – начинает смеяться профессор-академик. – Ну все-таки, как же они, эти американцы, медленно учатся. У меня же тоже был аналогичный случай, в конце семидесятых годов. Я тогда дымил как паровоз, и вот, черт его знает, чего кому в голову стукнуло, удалось поехать на международный конгресс в Италию. Доложил, туда-сюда, а организаторы вечером устроили банкет. Столы, вино, закуски, красиво все как в кино, черт бы их побрал. Выпили за процветание науки, закусили, и все буржуи начали дружно дымить.

– Это кто это дымить начал? – Саша Коган тоже взял папиросу в зубы. – Американцы? Брехня! Я в нашем заведении последний курящий. То есть, предпоследний, кроме меня дымит еще один чех, который в грузчиках. А урна – во дворе, напротив кабинета президента. У него окно стеклянное во всю стену, только я выскочу, он на меня уставится через стекло... Или меня уволят скоро, или надо бросать.

– Да тогда все они дымили, – профессор отмахнулся рукой. – Короче, вы же знаете, время тогда было суровое, командировочных только на билеты и хватало. А у меня с собой "Беломор". Ну, закурил я, смотрю – американцы прибалдели. То галдели все, а тут замолкли, и как-то отойти подальше норовят. Дым им, что-ли не нравится. Ну что же, неудобно стало, загасил я папироску, а они как в пепельницу уставятся...

– Да ну вас, Мальборо все-таки лучше! – Саша Коган, сделав пару затяжек, гасит свою папиросу.

– Не богохульствуй, – Сахрат начинает заводиться и у него на секунду прорывается кавказский акцент. – И не переводи добро зря. Что ты понимаешь? Нет, ты мне скажи, почему ты это говоришь!

– Ладно, ладно ребята, не будем ссориться, чего вы! – Мишка-шофер быстренько разливает по следующей. – Давайте я вам лучше анекдот на тему расскажу: Взлетает стратегический бомбардировщик, ребята, натурально, все бухие. Командир за голову хватается, будит штурмана. – Ты, – говорит, – карты не забыл взять? – Ой, товарищ капитан, кажись забыл. – Мать твою, опять по "Беломору" лететь придется.

– А чего ты смеешься? – Это Серега Мышкин, мой сосед. – Я ведь в стратегической авиации служил.

Сергей теперь большой начальник в одной из местных компаний. А начинал два года назад обычным программистом. Головокружительная его карьера началась в тот момент, когда Мышкин решил уволиться, и с тех пор его неуклонно продвигают по служебной лестнице.

– Да ну? Только не рассказывай мне, что вы действительно по "Беломору" летали, – ухмыляется Мишка.

– По "Беломору" не летали, на хрен он нужен, когда автопилот есть. Короче, мы были расквартированы в Калининграде, а учебные бомбометания делали на Иртыше. Команда – в пять человек. Вылетаем, ставим автопилот, и кидаем жребий, кому бомбы бросать. Кому выпало – единственным трезвым остается, выпивает граммов пятьдесят, ставит будильник и идет спать. Остальные – гудят до посинения, в карты режутся. Лететь-то до цели часов семь. Ну, значит, тот, кому не повезло, сбрасывает бомбы и ставит автопилот на обратный курс, а мы, пока назад на базу летим, просыхаем, чтобы не засыпаться. Очень мы эти учения любили...

– Мдаа... – Семен Александрович потирает лоб. – Сталинские соколы Брежневской поры... А если бы вы бомбу не туда спяну уронили?

– Подумаешь, – это вступает в разговор Сахрат. – Бомбу... А ракету с ядерной боеголовкой не хочешь? Я ведь после физтеха в ракетных войсках служил, а первые наши ракеты на спирту работали. И вот, время от времени объявляется тревога, учебная или нет, никто не знает. Все сидят, нервничают. А спирт-то из двигателя надо сливать, доливать. И вся часть с ведрами, гудят до упора, после такой тревоги недели две все в лежку, включая старших офицеров. Потом кто-то умный понял, что если ничего не предпринимать, будет полный финиш, и придумал твердотопливный двигатель.

– Ха! Да кто же его придумал, если не ваш покорный слуга! Я же за это дело Ленинскую премию получил! – Это наш безработный профессор возбудился. – Да еще с какими приключениями. Если бы не я, Гагарин бы в космосе сгорел заживо, вояки же не понимали ни хрена, хотели использовать другую смесь, а в вакууме...

– Спасибо тебе, дорогой! – Сахрат, кажется, уже захмелел, это легко можно определить по все более явственно прорезающимся кавказским интонациям в его речи. – Ты, – он бросается Семену Александровичу на шею. – Ты знаешь, я больше не мог, печень болела, язва мучала, как эти твердотопливные появились, я вздохнул спокойно. Мне же еще год тогда служить оставалось, я бы наверняка помер...

– Спокойно, спокойно – профессор смеется. – Чего только не бывает в жизни! Я себя чувствую как хирург после успешной операции. Нет, все-таки стоит жить! Давайте что-ли еще по одной?

– Кстати, – Саша Коган морщится от опрокинутой рюмки. – Я совсем запутался. В Москве Новый Год случился одиннадцать часов назад. А мы с вами, хрен его знает где.

– В Москве – Сахрат грустнеет. – Вам-то хорошо, а я туда наверное больше никогда не попаду. Меня там в прошлом году на улице чуть не убили, в метро останавливали на каждом шагу, обыскивали. Говорят, лицо кавказской национальности. Если бы не американский паспорт... Противно.

– Эй, коллеги, а вы знаете, мы же чуть ли не самые последние на планете, встречающие Новый Год. – Это профессор сделал свое научное обобщение. – Ну да, мы же на самом дальнем западе. А часовая зона меняется посередине Тихого Океана...

– Мы – последние, оставшиеся на этой планете в прошлом году... – Андрей Бородин впал в протрацию. – Как динозавры...

– Ты чего? Какие, на хрен, динозавры? – Мишка-шофер с увлечением хрустит маринованным огурчиком.

– Я все понял! Я понял! – Андрей вдохновился. – Мне явилась истина.

– Что это ты там осознал, просветленный ты наш? – Иронизирует Сахрат.

– Мы – русские, других таких нет!

– Ну вот, в нашей среде завелись национал-шовинисты.

– Да нет же, я не о том. Я когда-то рассказик фантастический читал. Была там такая семья, где-то в Америке. Хоббиты, что-ли? Мутанты. Они когда-то облучились, еще при римлянах, и мутировали. Жили тысячи лет, по воздуху летали, приборчики разные придумывали. Папаня у них еще все время пьяненький ходил, научился дистанционно себе алкоголь в кровь закачивать.

– Хогбены, я эти рассказыки помню. Они еще приезжего профессора уменьшили и в бутылочку засунули, – соглашается Саша Коган.

– Ну вас на хрен, с вас станется. – профессор обижается. – Мне эти пьяные фокусы надоели.

– Точно, Хогбены. – Андрей возбужден. – Так вот, они говорили: "Мы -Хогбены, других таких нет". Вот и мы такие же мутанты. Все без исключения, только русские. Нас тоже облучали с детства.

– Да ну, слишком сложные у тебя обобщения получаются. – Сахрат недовольно морщится.

– Да послушайте же! Я чувствую, что это – святая правда.

– Сейчас сойдет. – Мишка-шофер снисходительно ухмыляется. – Это такая стадия, когда вмазал и море по колено. На пике. По себе знаю. Еще несколько минут, и схлынет. Давайте лучше укрепим достигнутое.

– Да погоди ты, до Нового Года три минуты осталось. Где у нас шампанское?

– В холодильнике, – при мысли о шампанском Андрей Бородин выходит из астрального состояния и вскакивает из-за стола. – Советское, между прочим, в Москве покупал.

– Открывай, открывай, опоздаем!

– С Новым Годом, с Новым Счастьем!

– Ура!

– Вот только "Голубого Огонька" не хватает, – вздыхает профессор-членкорр. – И выступления Генсека по телевизору.

– Ну, так чего ты там плел про мутантов, – смеется Мишка-шофер. – Как говорится, сам-то понял, что сказал?

– Да ладно, чего пристал, самому неловко, – смущается Андрей. – Это я в философском смысле.

– Мужики, – Саша Коган растерянно смотрит на опустевшую бутылку "Столичной". – Вы будете смеяться, но водка кончилась. И когда она успела, черт ее знает. Сегодня ночью магазины открыты?

– Закрыты, – мрачно констатирует Мишка-шофер.

– Да ладно вам, я сейчас в Москву слетаю, там как раз утро. – Андрей Бородин трясет головой. Он лезет в кошелек и разочарованно смотрит на Сахрата. – Слушай, одолжи двадцать баксов.

– Какие проблемы, – Сахрат достает бумажку. – Ты только смотри, осторожнее, выпимши, как-никак.

– Ерунда, не впервой. Ну, я сейчас. – Андрей прикрывает глаза и, слегка подрагивая, отрывается от земли. Он на несколько секунд повисает в воздухе, и уносится в небо, оставляя за собой светящийся фиолетовый след, похожий на хвост кометы Галлея.

– Красиво пошел, – вздыхает Семен Александрович.

– Да, ничего, – соглашаюсь я. Поначалу эти фокусы приводили меня в ужас, но со временем я начал к ним привыкать.

– Я тоже никак не могу привыкнуть к этим безобразиям, – Саша Коган, в очередной раз хулиганит, читая мои мысли. А ведь много раз уже божился, что больше этого делать не будет. Ну, да ладно, сегодня я его прощаю, все-таки Новый Год.

– В его состоянии сейчас самое главное – это от ПВО увернуться. – замечает Сахрат.

– Какое ПВО, на хрен. До океана миль пять всего, сколько у американцев континентальная зона? Еще миль пятнадцать, и все. Проскочит... Дальше – море, летай – не хочу. А в России... Да у них Руст на Красную Площадь приземлился безо всяких проблем.

– Ну все-таки, – вздыхает Сахрат. Мало ли что случиться может. Еще простудится спяну.

Мы – русские, других таких нет. Андрей по-своему прав. Мы умеем многое, но когда приходит новый год, нами овладевает грусть, смешанная с тревогой.

– Сколько ему до Москвы и обратно? – Мишка-шофер снова достает пачку "Беломора".

– Минут за десять обернется. Да еще в очереди в ларек потолкается. – И мы смущенно закуриваем и замолкаем, отводя друг от друга глаза.

.oOo.